

представлять нашего сегодняшнего гостя было бы по меньшей мере наивно: его феерический путь в отечественной словесности исключает необходимость представления. Его не все читают — но все знают. Его не все любят, а кто любит — самозабвенно. Его слово — жемчужно. Для чужого уха строки отдадут эхом Моцарта. Он не похож ни на кого, ибо ему даровано свыше. Имя его — Вознесенский.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ: НА ВЕСЬ ГОНОРАР Я КУПИЛ ШАМПАНСКОГО И ПОМЯНУЛ ДРУЗЕЙ

— Андрей Андреевич, вы редко даете интервью. Чем это объяснить?

— Сергей Есенин писал в автобиографии: «Остальное — в моих стихах». Если я что-то не сказал в своих стихах, значит, это не настоящее, не проверено небом, судьбой. В свое время я много писал исповедальной прозы «Прорабы духа», «экология культуры», когда правду трудно было говорить. А сейчас все пишут, цензуры нет. Я занимаюсь чистой поэзией.

— В «Муках музы» вы первый высветили имена многих ныне известных поэтов: Еременко, Парщикова, других. Сегодня в музыке появился гениальный Женя Кисин. А в поэзии есть подобная фигура?

— Что касается молодой поэзии, то нет прожектора, который бы высветил даже очень талантливого человека. На моем вечере 22 октября в Зале Чайковского я преподнесу сюрприз: приглашу на сцену одного пока никому не известного поэта... На днях выходит книга Нины Искренко. Это удивительный поэт, безвременно погибший. Ее книга будет событием в русской поэзии. Я помню такой случай: когда приезжал сюда Борис Гребенщиков, я вел его вечер и после песен Гребенщикова пригласил на сцену Нину. Через пять минут — среди сплошного рева поклонников Гребенщикова — зал притих, зал ее слушал... У нее очень сложные стихи. Она написала, к примеру, «Конституцию», которая начиналась так:

«Граждане СССР имеют право на труп».

Она была душой клуба «Поэзия» — вместе с Игорем Иртеньевым и Евгением Бунимовичем. Печально, что в тени общественного внимания, кроме молодых поэтов, находятся такие крупнейшие мастера поэзии, как Генрих Сапгир, Игорь Холин, Инна Лиснянская, Лев Рубинштейн — всех, увы, не перечислишь.

— Задам вам вопрос как архитектору. Вам нравится восстановленный Храм Христа Спасителя?

— В архитектурном институте этот храм преподносился в качестве примера эклектической архитектуры. Разрушение Храма — национальный позор. Слава Богу, что Храм восстановлен, хотя, с точки зрения чистой архитектуры, я — поклонник другого зодчества: кремлевских соборов, храм Василия Блаженного и в Коломенском, церкви на Плянке. У нас, я считаю, огромный пробел в современной церковной архитектуре. Почему в России не спроектировано, не построено ни одного современного сооружения в стиле XX, уже уходящего века? Есть прекрасные современные сооружения Гауди, капелла Реншан Корбюзье. Мусульмане в Исламабаде построили удивительное современное здание — это их слова Богу, сказанные в нашем веке. А в России не построено в этом столетии ни-че-го в современном стиле. Молитва должна быть произнесена на языке современности. Может, от этого и все неудачи России? Осталось 3 года до конца столетия, у нас еще есть время...

— У меня в руках только что вышедшая ваша книжка «Casino Россия». Название несет какой-то подтекст?

— Конечно. Пушкин, перов, это деталь московского пейзажа: памятник Гушкину, кинотеатр «Россия», казино. Все в мире символично, случайностей не бывает. Казино — это рулетка жизни; ставки, криминал, страсть, любовь, азарт, шулерство. Здесь и Достоевский, и русское «авось».

В стихотворении «Улет» — разрыв наших связей, совершенно полный. Это никакой не формализм — это жизнь такая. «Актёр — актер — актер» — можно прочитать «теракт — теракт — теракт». Террорист — это актер обязательно! Стихия слова тебя ведет, а потом ты уже разбираешься, к чему это было.

— Вам не кажется, Андрей Андреевич, что смерти Окуджавы и Рихтера не потрясли Россию?

— Меня это потрясло, и я написал об этом. Моя книга заканчивается рекемием Рихтеру. Но люди живут тяжело сейчас, и не будем их обманывать.

— Вы не знаете, будет ли улица Рихтера, улица Окуджавы в Москве?

— Я подписывал письмо по поводу Рихтера. На Арбате должен быть памятник Окуджаве и улица его имени. Во время празднования 850-летия Москвы я написал такие строчки:

Живу в своей высоте.
Пока что у державы
Нет улицы Высоцкого,
Зато есть Окуджавы.

С Высоцким — несправедливость. Ведь самый уличный и площадной поэт — Высоцкий. Но тогда было другое время, другое правительство. Я думаю, еще вернусь к этому.

— Вечная тема — «Поэт и власть».

— Я думаю, в историческом плане на моей судьбе случайно поставлена точка в отношениях поэта и власти. Это было последнее противостояние. После этого поэзия и политика пошли параллельными курсами. Хрущев своим ором поставил последнюю точку. Россия — странная страна. Вот смотрите: Николай I. Это был сильный монарх. В нем была масса вещей плюсовых. Но он остался в истории своими отношениями с Пушкиным. То же Хрущев. Он был противоречив: выпустил людей из концлагерей, устроил Карибский кризис; вытаскил людей из подвалов и закрыл 10 тысяч церквей. Но, увы, он войдет в историю как человек, по чьему приказу травил Пастернака. Бог и Россия ему это не прощают.

— Вы, да и многие мои знакомые, уповают на то, что возрождение России начнется с провинции. Но ведь Москва — это родина Пушкина, Лермонтова, Цветаевой, Пастернака, Окуджавы. То есть Москва все-таки — духовный центр России.

— А я вам напомню послышу: «Москва — большая деревня». Люблю Москву: уличность и классику, красивые дома и ампир, хрущобы, полный сумбур. Широта такая: Цветаева, Пастернак — ведь они совершенно другие, чем классические петербургские поэты. И по отношению к миру Москва и столица, и провинция одновременно. У меня нет такой однозначности по отношению к провинции. Я был в восторге от того, что увидели в Самаре. А сейчас благодаря Интернету, телевидению провинция сравнялась со столи-

Фото Сергея ПАНКРАТЬЕВА. Концерт «ВМ»

цей. Она выступала в Сургуте — те же вопросы задают, что и в Москве, та же аудитория.

— В вашу книжку вошли стихи о гибели принцессы Дианы. Сколько же времени книгу печатали?

— Три недели! Ни в одном журнале публикации не появляются в таком темпе. Иногда в газете — дольше. Это плюсы и минусы капитализма? Выход книги для меня — праздник. На весь гонорар я купил шампанского для Зала Чайковского. Помянем Булата и Нину. Чокнемся за поэзию.

— Кого вы ждете из гостей?

— Всех, кто любит поэзию. Собирались прийти Андрей Битов, Белла Ахмадулина, Рената Литвинова, Олег Меньшиков. Обещал приехать Борис Гребенщиков. Всегда с радостью и волнением читаю для такой аудитории. И главное — глаза молодых, еще незнакомых читателей.

— Ваше творчество тесно связано с музыкой: рок-опера «Юнона и Авось», песни, оратория на музыку Щедрина. В Зале Чайковского находится орган. Он будет «участвовать» в вашем вечере?

— Чехов говорил: «Если ружье висит, оно должно выстрелить». В этот раз играть будет наш великий органист Гарри Гродберг. Может, я впервые сделаю вечер с антрактом. Я думаю, орган хорош будет именно для этой книги: в ней много шутейных, веселых вещей, но много и реквиемов этого года. Зал Чайковского — не просто зал, а мемориал Мейерхольда — для его театра это строилось. Там прекрасная акустика, нет плохих мест. На вершине видно и слышно, как в партере. Для меня это какое-то суеверие. В этом зале надо работать, как Мейерхольд. Тени должны присутствовать.

— Когда-то вы троняли: «Уберечь Ленина с денег», написали поэму «Лобжюмо», посвященную Ленину. Как вы сейчас относитесь к своей лениниане?

— Поэзия выражает иллюзии народа. Недавно Алексей Дидуров, шеф «Рок-кабаре», вспомнил: «Высоцкий в анкете на вопрос «Кто ваш любимый политический деятель?» ответил: «Ленин». Мое отношение к Ленину тех лет калькировалось на отношение к нему моего учителя и кумира Б. Л. Пастернака. Я Ленина не знал, он знал. Пастернак встретился с Мандельштамом у гроба Ленина... Таганка бешено аплодировала этим моим стихам. А сейчас опубликованы тайные архивы ЦК, где есть доклад Центрального банка в Политбюро, в котором эти стихи клеймились как антисоветские. Цензура их не пропустила ни в один мой сборник. Устал я говорить об этих стихах 30-летней давности! Я думаю, потом написаны более серьезные вещи: и «Оза», и «Юнона и Авось», и последняя моя поэма, еще не вошедшая в книгу, — «Шулер-квнтет».

— У вас есть стихи, посвященные Евгению Евтушенку. У него — вам. А сейчас вы не враги, но, мне кажется, и не друзья...

— Посвящение Евтушенку появилось так. Я сказал: «Женя, выбери стихотворение, которое тебе нравится, я посвящу его тебе. Он выбрал «Петр Первый». У Беллы он таким же образом выбрал поэму «Дождь». Я всегда старался, где мог, помогать ему. Настоящая помощь должна быть тайной. Вы знаете Анатолия Стреляного, конечно? Он публицист и одновременно основатель многоотомной серии «Культура XX века». Там один том — сказки, другой — фантастика, третий — живопись. Так вот, ко мне подошел Стреляный и попросил: «Андрей, сделай нам том поэзии». Я сказал: «Давайте я сделаю вам том живописи, а поэзию пусть сделает Евтушенко». Я думаю, Евтушенко об этом даже не знает. Таким образом я сосватал ему эту антологию, которая — одно из лучших произведений Евтушенко.

— Евгению Александровичу не понравились, в частности, ваши мемориальные стихи...

Естественно, ему больше нравятся его собственные стихи, написанные по поводу всех похорон. Когда-то, после того, как я опубликовал восхищенную статью о Евтушенке, он позвонил мне и сказал: «Андрей, это лучше, что ты написал за всю свою жизнь». Мне не верится, что это ОН сейчас поливает уязвленной грязью в прессе своих бывших товарищей: Васю Аксенова, Беллу Ахмадулину и меня, конечно. Не надо выискивать отношения через газету. Иногда же он бывает в нашей стране, не все время живет в Америке. Приехал — набери телефон, позвони мне или Белле и скажи, чем ты недоволен. Мое отношение к нему, несмотря на все, остается неизменным. Ни я, ни мои друзья никогда не опускаются до перебранки со своим коллегой. Дай Бог ему гармонии и чтобы он написал что-нибудь достойное его имени и таланта.

— Традиционный вопрос о ваших ближайших планах.

— Они конкретны. Для издательства «Вагриус» готовлю книгу воспоминаний: это серия «Мой XX век». Моя книга, что у вас под руками, радуется меня тем, что в ней нет ни одного старого стихотворения. Буду писать, рисовать — жить. Вел беседу Владимир НУЗОВ